

УДК 340.12; 342.41

«АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ: БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

© 2019 г. П. Л. Лихтер

Пензенский государственный университет

E-mail: lixter@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2018 г.

Статья посвящена анализу последствий «антропологического поворота» в юриспруденции, в результате которого право утрачивает объективный масштаб и воспринимается не более чем как часть индивидуального сознания. Распространение индивидуалистической концепции правопонимания, деконструкции, дисперсии, поверхностности и иных вирулентных тенденций постмодернизма, сопутствующих современным социальным наукам, позволяет говорить об идеологическом кризисе права. Автором ставится вопрос о недопустимости антропоцентрического релятивизма и субъективного идеализма в базовых вопросах конституционной аксиологии, построения системы общеобязательных норм поведения, основ взаимоотношения между человеком, обществом и государством. Предлагается более внимательное исследование методологического холизма и категории «общее благо» в целях получения объективных знаний о правовой реальности.

Ключевые слова: антропологический поворот, холизм, общее благо, конституционная аксиология, холистическая концепция правопонимания.

DOI: 10.31857/S013207690004655-2

Постановка проблемы

Можно говорить о том, что современное право переживает кризис идеологии. Разочарование в ряде ценностей прошлого привело к так называемому антропологическому повороту и победе субъективного идеализма в науке. Трендовыми стали доктрины (юридический плюрализм, постмодернистское право и др.), которые в принципе отрицают возможность достоверности и объективности правовых парадигм. Всё чаще право воспринимается не как нечто целое, но как совокупность норм, принятых *ad hoc* и объединённых исключительно по формальным признакам.

Всё чаще философско-идеологической основой защиты прав человека провозглашаются индивидуализм и антропологизм, между которыми даже ставится знак равенства, хотя изначально антропология в юриспруденции означала не более чем взгляд на право сквозь призму антропологических свойств человека. Такое понимание в современной юридической литературе утрачивается; под «антропологическим поворотом» скорее подразумевается «антропоцентрический поворот». Путаница в терминологии, дисбаланс системы ценностей, целей и интересов приводят к тому, что человек и его непосредственный опыт провозглашены центром

познания и методологии большинства социальных наук, в том числе юриспруденции.

Современный подход предполагает, что формирование права происходит в индивидуальном сознании. При этом отбрасываются как устаревшие концепции, отмечающие значение социальных связей, приоритет общественных и государственных интересов.

Индивидуалистический подход (как представление о первичности индивида по отношению к социуму) закреплён в центральной статье Конституции Российской Федерации, которая провозглашает человека, его права и свободы *высшей* ценностью. Подобная безальтернативная иерархия конституционно-правовых ценностей поддерживается доктринальным толкованием права. Академик М.В. Баглай в своём хрестоматийном учебнике разъясняет содержание ст. 2 Конституции РФ следующим образом: «...акцент делается не на коллективном пользовании правами, как это было свойственно тоталитарному государству, а на индивидуальном выборе образа действий. <...> Коллективизм, понимаемый с чрезмерным универсализмом, он в состоянии подавить инициативу

и способности отдельного человека, привести к царству серости и посредственности»¹.

Но что вкладывали авторы Конституции в понятие «человек» при формулировании рассматриваемой статьи? Корректно ли во всех случаях помещать права индивида на вершину конституционной аксиологии? Можно ли считать «антропологический поворот» в правовой науке однозначным благом? Корректно ли говорить об «антропологическом повороте» как о закономерном этапе развития науки либо это не более чем удобный термин, искусственно созданный в некоторых школах права для построения спорных индивидуалистических концепций?

Честные ответы на поставленные вопросы не всегда будут однозначными.

Обзор магистральных тенденций социальных наук и антропоцентризм

Всё чаще наука исходит из того, что сознание отдельного человека первично по отношению к правовым явлениям и феноменам. Очередной виток подобного методологического подхода начался во второй половине прошлого века с «антропологического поворота» в различных отраслях гуманитарных знаний, который обусловлен возникновением «интерпретативной» антропологии К. Гирца², социальной антропологии³, новыми теориями в исторической науке П. Берка⁴ и т.д. Юриспруденция не осталась в стороне от возникшей тенденции и сместила методологические акценты на самого человека, на его непосредственный опыт.

С 1990-х годов вышло несколько учебников, посвященных антропологии права (юридической антропологии). Самые заметные из них написаны французским юристом Н. Руланом⁵ и судьей Европейского Суда по правам человека А.И. Ковлером⁶. Их концепции продолжают активно развиваться в ряде исследований, обосновываются на конференциях по юридической антропологии, защищаются в научных работах⁷.

¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007. С. 118.

² См.: Geertz C.J. Anti-Anti-Relativism // American Anthropologist. 1984. Vol. 86. № 2. P. 263–278; Geertz C.J. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988.

³ См.: Pierre B. Méditations pascaliennes. P., 1997.

⁴ См.: Burke P. Sociology and History. London, 1980.

⁵ См.: Рулан Н. Юридическая антропология: учеб. для вузов. М., 1998.

⁶ См.: Ковлер А.И. Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002.

⁷ См.: Агафонова Е.А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009.

В диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук В.П. Малахова так определяется метод исследования и тенденции современного права: «Исследовательская задача состоит в том, чтобы поставить человека в центр анализа природы и содержания правосознания. При этом и само право начинает выступать не столько как нормативно-регулятивный строй общества, сколько как феномен человека. Надо воспринимать правовую реальность (действительное право) как определенность душевных, физических и духовных сил человека, как то, что сродни человеку, подвластно ему и потому только становящееся понятным. <...> Проблема же, в данном плане, состоит вовсе не в том, чтобы указать на совокупность объективных причин, обстоятельств и факторов, определяющих природу правосознания и его содержание, а в том, чтобы обнаружить условия, актуализирующие правовой взгляд на мир и на деятельное правовое бытие в нем, в самом человеке, посмотреть на них как на то, что имманентно присуще человеку как правовому существу»⁸.

В диссертации другого видного учёного — И.Л. Честнова отмечается, что «субъект права — это одновременно правовой институт, т.е. безличностный правовой статус, закрепленный в нормах права, и его воплощение в конкретном ментальном образе и юридически значимых действиях (как традиционных, так и инновационных) персонифицированных индивидов»⁹. Доктор юрид. наук С.И. Максимов пишет: «Вопрос о том, что есть право, решается через уяснение вопроса о том, каковы мы сами. В каком-то смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас. Другими словами, право есть часть нашего человеческого бытия, и поэтому правовая теория должна в первую очередь сосредоточиваться на личности как “бытии в праве”, а затем на поверхностных явлениях права — законах, судебных решениях, правилах, принципах и делах»¹⁰.

Таким образом, современное понимание права утрачивает *объективный масштаб*, воспринимается не более чем как часть сознания индивида. Законы неизбежно при этом становятся «поверхностными явлениями права», так как сознание человека может существенно исказить такие социально-философские категории как «справедливость», «свобода», «законность», «общее благо». Наука уже не нацелена на честный и рациональный поиск истины,

⁸ Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 16.

⁹ Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 28.

¹⁰ Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 23–55.

ведь у каждого человека в сознании она может быть значительно трансформирована, но всё равно иметь право на существование.

Подобный подход не всегда был свойствен праву. «Поворот» а ргіогі предполагает изменение исходной траектории, которая была задана еще философами Древней Греции и ставила общество и государство выше индивида. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар основной процесс современности характеризует переходом от эпохи «больших проектов» и метанарративов (например, метанарратива платонизма) к эпохе расщепления «великих историй» и появления множества простых, мелких «историй-рассказов»¹¹. По мнению представителей постмодернизма от науки, переосмысление концепций прошлого и сомнения в возможности познания как такового привели не просто к отходу, но к полному обесцениванию метанарративов. Здесь речь идёт не только о концепциях Платона, но и о либерализме Канта, о коммунистических идеях и т.п.

Однако идеи, плодотворные в одной сфере, могут быть губительны в другой. Результатом указанных тенденций является отказ не только от поиска «абсолютной истины» в сфере морали, этики, онтологии, гносеологии, но и от обращения к философским и историческим предпосылкам формирования и функционирования государственно-правовых институтов. Некоторые учёные прямо призывают очистить юриспруденцию от философии и истории. Доктор юрид. наук Е.А. Войниканис пишет о том, что «в науке (тем более в гуманитарной) ни одно из понятий нельзя считать фиксированным, даже базовые понятия создаются не на века, но претерпевают изменения, поскольку, во-первых, меняются подходы и взгляды на предмет, а во-вторых, в чем мы усматриваем особенность права и иных общественных наук, вместе с экономическими, политическими и прочими преобразованиями изменяется и сам предмет. Убежденность в том, что у любого предмета имеется некая непреходящая сущность, является достоинством не юридической, а философской мысли»¹².

В результате право начинает восприниматься как явление, лишённое фундаментального философского основания и исторической преемственности. Такой подход опасен с точки зрения превращения закона в инструмент экономических элит и политических сил, оказавшихся у власти.

¹¹ См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 27.

¹² *Войниканис Е.А.* Парадигмальный сдвиг в современном праве // *Философия политики и права: сб. науч. работ.* Вып. 1. М., 2010. С. 138–161.

«Истинность» правовых вопросов в контексте постмодернизма

Создатель концепции «интегративной юриспруденции» Г. Берман одной из основных причин кризиса современного права называл его фрагментацию, направленность на удобство более, чем на мораль. По его мнению, право сегодня больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности¹³. Академик А.А. Зализняк, критикуя всепоглощающие постмодернистские тенденции науки, в одном из своих выступлений высказался в защиту двух простых идей, «которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: 1) Истина существует, и целью науки является ее поиск. 2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал в нормальном случае более прав, чем дилетант. Им противостоят положения, ныне гораздо более модные: Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов). По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке...»¹⁴. По итогам выступления А.А. Зализняк отметил отсутствие надежды на то, что постмодернистский вектор науки переменится сам собой. Для этого нужны совместные усилия тех, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу шарлатанства.

Описывая суть современной действительности в отсутствие целостности, разорванности смысловой структуры, идеолог постмодернизма И. Хассан выделяет следующие характеристики новой парадигмы¹⁵.

В.Б. Брайнин-Пассек дополнил описание постмодернизма следующими сущностными чертами: антиутопичность, конформизм, деловое использование предшествующего, вторичность как позиция, коммерческий успех, отказ от предыдущей культурной парадигмы¹⁶.

Если мы внимательно проанализируем разрозненные характеристики постмодернизма, определяющие его методологию, то придём к очевидному

¹³ См.: *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 53.

¹⁴ Речь А.А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына // *Росс. газ.* 2017. 28 дек. С. 4.

¹⁵ См.: *Hassan I.* Toward a concept of postmodernism // *Postmodernism. An International Anthology.* Wook-Dong Kim. Seoul, 1991. P. 65, 66.

¹⁶ См.: *Брайнин-Пассек В.Б.* О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // *Новый мир искусства.* 2002. 28 мая. С. 7–9.

Таблица

Сравнительная таблица различий между модернизмом и постмодернизмом И. Хассана (выдержки)

Модернизм	Постмодернизм
Позиция наблюдателя	
Код мастерства	Индивидуальные особенности
Мастерство/логос	Исчерпанность / Молчание
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Дисперсия
Интенция	
Цель, намерение	Игра
План	Случай
Созидание / Порождение целостности	Деструкция / Деконструкция
Способ действия	
Нарратив / большая история	Антинарратив / Малая история
Метафизика	Ирония
Интерпретация / Прочитывание	Контринтерпретация / Неверное прочтение
Жанр / границы	Интертекстуальность
Парадигма	Синтагма
Результат	
Корни / Глубина / Сущность	Ризома / Поверхность / Становление
Определённость	Неопределённость
Форма (конъюнктивная, закрытая)	Антиформа (дизъюнктивная, открытая)
Произведение искусства / Завершённая работа	Процесс / Перформанс
Иерархия	Анархия

выводу о том, что перечисленные свойства в высшей степени не подходят для юридической науки. Отказываясь от приоритета рационального познания и законченных логических схем в пользу непосредственного восприятия, постмодернизм вместе с тем отрицает категории справедливости, иерархичности права, конституционализма, постоянства общеобязательных норм поведения. Приверженность к неопределенности, поверхностности, деконструкции может быть оправдана в сфере искусства, литературы, массовой культуры, но совершенно не мотивирована в сфере юриспруденции.

Вариативность в фундаментальной юриспруденции или правовой догматике недопустима, если речь идет о вынесении приговора по конкретному делу или о выборе определенной системы конституционно-правовых ценностей.

Ни одна из отраслей права не может позволить себе заниматься простой регистрацией юридических норм и событий, их анализом и частнонаучным обобщением. Поиск философских оснований позволяет понять право как целостное явление,

выражающее требования определённой стадии развития общества и государства.

Концепция «общего блага» как основа «холистического поворота» в праве

Если под юриспруденцией мы понимаем не более чем отрасль знаний, основной задачей которой являются создание условий для свободного индивидуального правосозидания и принятие формальных законов, его обеспечивающих, то предмет науки можно редуцировать в границах сознания отдельной личности. Основным методом познания при этом останется *анализ* частных правовых институтов и явлений.

Однако целью правовой науки является получение объективных знаний о реальности, об актуальной иерархии конституционно-правовых ценностей, принципов, смыслов, а также о технически-юридических средствах и способах решения исследовательских задач. При таком понимании юриспруденции станет очевидным, что «антропологический поворот» как отказ от представления

совокупности общественных и государственных интересов как целого в пользу интересов конкретного человека является преждевременным и необоснованным.

«Антропологический поворот», происходящий сегодня, — не первый, аналогичные события уже случались в истории человечества. Еще в V в. до н.э. софисты провозгласили «человека мерой всех вещей». Притом изначально софистом называли мудреца, посвятившего жизнь высшей, умственной деятельности (например, Геродот называет софистами Пифагора и Солона)¹⁷. Но постепенно Протагор и Горгий приходят к тому, что человек — мера не только вещей, но и мнений, следовательно, объективной истины не существует, а есть лишь разнообразные мнения¹⁸. После этого термин «софистика» приобретает негативный смысл, а основными критиками софистов становятся Платон и Аристотель.

В противовес софистике они предлагают концепцию холизма, которая закрепляет приоритет целого над частями, общественных интересов над индивидуальными. Аристотель в «Политике» сопровождает свою теорию красочными примерами: «Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим “каменная рука”; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой... Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»¹⁹.

В философии науки холизм представлен помимо древнегреческих мыслителей такими именами, как Д. Юм, К. Гельвеций, Г. Гроций, Г. Гегель, К. Маркс и др. Д. Дидро указывал, что независимость хотя бы одного факта несовместима с идеей целого, а без идеи целого нет науки как таковой²⁰.

Несмотря на длительную историю холистического подхода, сам термин в 1926 г. ввел философ Я. Смэтс²¹. До этого чаще использовалось понятие «универсализм», за которым скрывалось этическое миропонимание, противоположное

индивидуализму. О. Кюльпе в 1901 г. пишет, что универсализм видит в самой основе индивидуализма несоответствие с реальным положением вещей, так как человек обречён на непрерывное взаимодействие с окружающим миром. Основоположник функциональной психологии указывает на то, что это несоответствие появилось из-за антропоцентрического мирозерцания в интеллектуальной сфере. Универсализм считает индивидуальное счастье неосуществимым при отсутствии у личности сознания солидарности с окружающим миром²².

Холизм — это методологическая реакция на проблемы, понимание которых обнаруживает системный характер сложившегося кризиса в правовой науке. Холистическая концепция правопонимания может быть использована в попытках противостояния отдельным случаям радикального личного позиционирования, в борьбе с изъянами политико-правовых институтов, неправомерным поведением чиновников и т.д.

Для целей юриспруденции можно выделить онтологический, эпистемологический и методологический холизм. Онтологическая интерпретация холизма обосновывает теоретические аспекты приоритета целого перед отдельными частями. Концепция принципа целостности правовой реальности предполагает исследование внешних признаков с учётом скрытых за ними характеристик подсистем и элементов. Например, выводы об эффективности осуществления ключевых функций государства следует делать на основе комплексного анализа совокупности ряда количественных и качественных показателей.

Эпистемологический (гносеологический) холизм стремится к объяснению частей через целое, но при этом исходит из представления о невозможности полноценного исследования целого только через анализ его элементов. Например, исследование эффективности определённой структуры государственного органа невозможно провести только на основе анализа показателей его отдельных подразделений и управлений, без учета всей совокупности субординационных и координационных отношений, основных целей и функций.

С помощью методологического холизма в праве выявляются существенные связи между отдельными институтами и целым. Его преимуществами являются возможность построения иерархических моделей (например, актуальной системы конституционно-правовых ценностей) и многоуровневое применение (от исследования полной законодательной базы до конкретной правовой нормы)

Для холистической концепции правопонимания характерны следующие признаки:

¹⁷ См.: *Маковельский А.* Софисты. Баку, 1941. С. 5.

¹⁸ См.: *Алексеев А.П., Яковлева Л.Е.* Философия: учеб. пособие. М., 2007. С. 43.

¹⁹ *Аристотель.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / ред.: В.Ф. Асмус, З.Н. Микеладзе, И.Д. Рожанский, А.И. Доватур. М., 1976–1983 (Политика, 1253а). С. 379.

²⁰ См.: *Дидро Д.* Мысли к истолкованию природы / Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 333.

²¹ См.: *Smuts J.C.* Holism and Evolution. London, 1926.

²² См.: *Кюльпе О.* Введение в философию (1901). М., 2007.

- 1) целостность;
- 2) отказ от узкоотраслевого решения проблемы;
- 3) приоритет общественных (публичных) интересов над частными;
- 4) критичность мышления и др.

Предмет и метод правовой науки предполагают известную степень универсальности, обеспечивающей объективное изучение общих законов, ценностей общественного бытия и социального познания.

Не приписывая юриспруденции обязательную точность математической истины, в то же время недопустимо провозглашение постмодернового релятивизма в фундаментальной юриспруденции и, как следствие, неизбежную его ретрансляцию в конституционном, уголовном и иных отраслях публичного права.

Представление о человеке, ставшем целью «антропологического поворота»

В конце XVIII в. И. Кант признал главным вопросом философии «Что такое человек?»²³. Для юриспруденции этот вопрос сохраняет актуальность, особенно после провозглашения представителями различных школ правовой антропологии индивида центром и целью общественных отношений.

Современные словари определяют человека как «общественное существо, обладающее разумом и сознанием, а также субъект общественно-исторической деятельности и культуры»²⁴, т.е. в дефиниции, следуя древнегреческой традиции, дважды упоминается общественная сущность человека. И мы не можем отвернуться от того факта, что индивидуальное развитие человека представляет собой освоение опыта всего человечества, а проявляется в совокупности общественных отношений.

Аристотель сформулировал простой подход к тому факту, что индивид никогда не жил и не сможет жить один, в известной дефиниции: «человек – животное политическое» (т.е. общественное). Обязательным законом является то, что общество неизбежно устанавливает законы. Современные учёные, обосновывающие «антропологический поворот» в юриспруденции, предпочитают не замечать очевидного факта, что генезис права находится в общении людей, а не в голове отдельного индивида.

Достижения современной науки в области биологии и психологии доказывают, что человек не

наделен от природы не только правосознанием, но даже разумом. Исследование «синдрома Маугли» подтверждает тот факт, что, если ребёнок попал к животным и вернулся в общество после нескольких лет в природе, он навсегда остаётся животным, не более чем умной дрессированной человекообразной: его речь уже не станет развитой, ему удобнее будет есть руками, а не вилкой и т.д.²⁵. Поэтому будет преувеличением провозглашать индивида субъектом правоотношений, объектом правоотношений и основным творцом права. В условиях социальной изоляции право возникнуть не может.

Человек при вступлении в разноплановые и сложные отношения с обществом и государством – это не просто биологическое существо, решающее обыденные вопросы жизнеобеспечения, а политическое существо, сознающее причастность к общему делу. Личность существует не изолированно от общественной среды, но всегда в системе социально-политических, экономических и правовых институтов, которые неизбежно определяют границы дозволенного поведения отдельного индивида. Для правовой науки факт принадлежности каждого человека к сообществу, в котором он живёт, означает имманентное наличие каталога обязанностей и ответственности за нарушение общественных интересов.

Индивидуализм в юриспруденции искажает систему правовых ценностей, принципов и понятий. Так, среди юристов при толковании норм законов (в том числе ст. 2 Конституции РФ) распространено понимание термина «человек» в духе номиналистической традиции: существуют («сами по себе») только чувственно воспринимаемые индивиды, и только они могут быть значениями предметных переменных логического языка, образуя истинный «универсум рассуждения» в предметной области теории права. Возникает сомнение в корректности применения понятия, обозначенного общим именем («человек»), в правовом акте исключительно к отдельной единице класса, но не к классу понятий как к целому.

Вопросы универсалий со времен античности неразрывно связаны с логикой, которая не может игнорироваться правоведами. Если логика предикатов (первого порядка) допускает высказывание относительно отдельных переменных, фиксированных функций и предикатов, то логика высшего порядка дополняется кванторами (логическими операциями, устанавливающими область истинности заявленного предиката) всеобщности и существования. В теории кванторов Ч. Пирса квантор

²³ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения (1798). СПб., 1999.

²⁴ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: П–Я. М., 2000. С. 879.

²⁵ См.: Bruno B. Feral Children and Autistic Children // American Journal of Sociology. 1959. № 64 (5). P. 455–467; Bishop R. Real-life “Mowgli girl” found living with monkeys and walking on all fours in remote nature reserve // Mirror. MGN Limited. 2017. 6 Apr.

всеобщности формализует обозначение того, что нечто (логическое выражение) истинно не только для любой относящейся к делу сущности, но и для их совокупности.

Общество, государство, право — это сложные системы, к которым не применимо редуцирование при разрешении логических задач, в том числе при толковании термина «человек» в основном законе страны.

Заключение и выводы

«Антропологический поворот» обусловлен страшными событиями XX в. (мировыми войнами, массовыми убийствами, коллективизацией и т.д.), однако история доказывает, что не только у государств или политических партий, но и у отдельного человека не так много поводов для гордости. Мыслители Древней Греции и позднейших эпох не испытывали иллюзий по вопросам добродетелей индивида. Далеко не всегда природные свойства человека достаточны, чтобы распознать всё полезное для человеческого общежития или, «даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять высшее благо и стремиться к нему»²⁶.

Индивид, не ограниченный необходимостью учета общественных и государственных интересов, может зайти достаточно далеко в своем «правотворчестве», что подтверждается историей человечества. Надежда на добровольное самоограничение человека не менее наивна, чем некоторые философские утопии. Успехи в образовании и творчестве отдельного индивида также не являются гарантией его добродетели. «Грамотный-то, образованный-то человек вполне может, тот или иной политический трактат прочтя, убить себе подобного и даже испытать при этом восторг убеждения. Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Цзэдун, так тот даже стихи писал: список их жертв, тем не менее, далеко превышает список ими прочитанного»²⁷. Для большинства людей эгоизм является имманентным свойством. Наличие высокого интеллекта и способности различать Добро и Зло не являются гарантией отказа от девиантного и делинквентного поведения.

Ряд великих мыслителей (Т. Гоббс, Д. Локк, И. Бентам) учитывали природу человека при описании генезиса государства и общества, но древние греки первыми связали возникновение права с необходимостью ограничения эгоистичных склонностей большинства людей. Они не склонны поступать справедливо даже по отношению к себе, не говоря уже о других людях: «совершенство и редко,

и похвально, и прекрасно»²⁸. Попытки ограничения в недобродетельных поступках с древнейших времён связаны с осмыслением философско-правовой категории «общее благо» и холизмом.

Обратный подход, при котором приоритет над общественным благом имеют интересы индивида, ставит вопрос о необходимости изменения всего доктринального категориального аппарата, выработанного за историю человечества. Юридическая антропология отбрасывает достижения не только концепции Платона, но и социальной философии Г. Гегеля, реалистической теории права Р. Иеринга, критической теории Франкфуртской школы и многих других.

Подводя итог краткому исследованию последствий «антропологического поворота», можно сделать несколько предварительных выводов.

1. «Антропологический поворот» в юриспруденции привёл к тому, что современное понимание права утратило объективный масштаб, стало восприниматься не более чем как часть сознания индивида. Однако право не может возникнуть в условиях социальной изоляции.

2. Основные характеристики постмодернизма, определяющие его методологию (деструкция, антинарратив, дисперсия, неопределённость), в высшей степени не подходят для юридической науки. Отвергая приоритет рационального познания и законченных логических схем, постмодернизм отрицает вместе с тем категории справедливости, иерархичности права, конституционализма, постоянства общеобязательных норм поведения. Фундаментальная юриспруденция и догматическое право не могут провозглашать отказ от поиска абсолютных истин и бесконечное многообразие концепций по ряду вопросов.

3. Для целей правовой науки актуальны онтологическая, гносеологическая и методологическая интерпретации холизма. Онтологическая концепция целостности правовых объектов нацелена на исследование внешних свойств и функций целого, за которыми скрыты характеристики его элементов. Гносеологический холизм предполагает, что свойства целого (например, федеративного государства) нельзя полноценно познать исключительно через свойства его частей (субъектов федерации). Преимущество методологического холизма для права состоит в интегративности методик исследования, возможности многоуровневого применения, построения определённых иерархичных моделей и т.д.

4. Исследование вопросов методологического холизма и категории «общее благо» в целях

²⁶ Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3. Ч. 2 / под общ. ред. А.Ф. Loseва и В.Ф. Асмуса. СПб., 2007 (Законы, 874e – 875a.). С. 392.

²⁷ Бродский И.А. Нобелевская лекция // Соч. Иосифа Бродского: в 4 т. Т. 1. / сост. Г.Ф. Комаров. СПб., 1992. С. 5–16.

²⁸ Аристотель. Указ. соч. (Политика, 1109a). С. 93.

получения объективных знаний о правовой реальности предполагает отказ от крайнего индивидуализма и антропоцентризма в юриспруденции. Более внимательное изучение указанных вопросов позволяет говорить о формировании холистической концепции правопонимания, для которой характерны следующие признаки: целостность и критичность мышления, универсальность, отказ от узкоотраслевого решения проблемы, приоритет общественных (публичных) интересов над частными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агафонова Е.А.* Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009.
2. *Алексеев А.П., Яковлева Л.Е.* Философия: учеб. пособие. М., 2007. С. 43.
3. *Аристотель.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / ред.: В.Ф. Асмус, З.Н. Микеладзе, И.Д. Рожанский, А.И. Доватур. М., 1976–1983 (Политика, 1109а, 1253а). С. 93, 379.
4. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007. С. 118.
5. *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 53.
6. *Брайнин-Пассек В.Б.* О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике // Новый мир искусства. 2002. 28 мая. С. 7–9.
7. *Бродский И.А.* Нобелевская лекция // Соч. Иосифа Бродского: в 4 т. Т. 1. / сост. Г.Ф. Комаров. СПб., 1992. С. 5–16.
8. *Войниканис Е.А.* Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права: сб. науч. работ. Вып. 1. М., 2010. С. 138–161.
9. *Дидро Д.* Мысли к истолкованию природы / Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 333.
10. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: П–Я. М., 2000. С. 879.
11. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения (1798). СПб., 1999.
12. *Ковлер А.И.* Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002.
13. *Кюльпе О.* Введение в философию (1901). М., 2007.
14. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 27.
15. *Маковельский А.* Софисты. Баку, 1941. С. 5.
16. *Максимов С.И.* Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 23–55.
17. *Малахов В.П.* Природа, содержание и логика правосознания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 16.
18. *Платон.* Соч.: в 4 т. Т. 3. Ч. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб., 2007 (Законы, 874 е – 875 а.). С. 392.
19. Речь А.А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына // Росс. газ. 2017. 28 дек. С. 4.
20. *Рулан Н.* Юридическая антропология: учеб. для вузов. М., 1998.
21. *Честнов И.Л.* Принцип диалога в современной теории права: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 28.
22. *Bishop R.* Real-life “Mowgli girl” found living with monkeys and walking on all fours in remote nature reserve // Mirror. MGN Limited. 2017. 6 Apr.
23. *Bruno B.* Feral Children and Autistic Children // American Journal of Sociology. 1959. № 64 (5). P. 455–467.
24. *Burke P.* Sociology and History. London, 1980.
25. *Hassan I.* Toward a concept of postmodernism // Postmodernism. An International Anthology. Wook-Dong Kirn. Seoul, 1991. P. 65, 66.
26. *Geertz C.J.* Anti-Anti-Relativism // American Anthropologist. 1984. Vol. 86. № 2. P. 263–278.
27. *Geertz C.J.* Works and Lives: The Anthropologist As Author. Stanford, 1988.
28. *Pierre B.* Méditations pascaliennes. P., 1997.
29. *Smuts J.C.* Holism and Evolution. London, 1926.

REFERENCES

1. *Agafonova E.A.* Yuridicheskaya antropologiya: konceptual'nye idei i principy: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2009.
2. *Alekseev A.P., Yakovleva L.E.* Filosofiya: ucheb. posobie. M., 2007. S. 43.
3. *Aristotel'.* Sobr. soch.: v 4 t. T. 1 / red.: V.F. Asmus, Z.N. Mikeladze, I.D. Rozhanskij, A.I. Dovatur. M., 1976–1983 (Politika, 1109a, 1253a). S. 93, 379.
4. *Baglaj M.V.* Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. 6-e izd., izm. i dop. M., 2007. S. 118.
5. *Berman G.* Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M., 1998. S. 53.
6. *Brajnin-Passek V.B.* O postmodernizme, krizise vospriyatiya i novoj klassike // Novyj mir iskusstva. 2002. 28 maya. S. 7–9.
7. *Brodskij I.A.* Nobelevskaya lekcija // Soch. Iosifa Brodskogo: v 4 t. T. 1. / sost. G.F. Komarov. SPb., 1992. S. 5–16.

8. *Vojnikanis E.A.* Paradigmal'nyj sdvig v sovremennom prave // *Filosofiya politiki i prava: sb. nauch. rabot.* Vyp. 1. M., 2010. S. 138–161.
9. *Didro D.* Mysli k istolkovaniyu prirody / *Didro D.* Soch.: v 2 t. T. 1. M., 1986. S. 333.
10. *Efremova T.F.* Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolko-vo-slovoobrazovatel'nyj: v 2 t. T. 2: P–Ya. M., 2000. S. 879.
11. *Kant I.* Antropologiya s pragmaticheskoj točki zreniya (1798). SPb., 1999.
12. *Kovler A.I.* Antropologiya prava: ucheb. dlya vuzov. M., 2002.
13. *Kyul'pe O.* Vvedenie v filosofiyu (1901). M., 2007.
14. *Liotar Zh.-F.* Sostoyanie postmoderna. SPb., 1998. S. 27.
15. *Makovel'skij A.* Sofisty. Baku, 1941. S. 5.
16. *Maksimov S.I.* Konceptiya pravovoj real'nosti // *Neklassicheskaya filosofiya prava: voprosy i otvety.* Har'kov, 2013. S. 23–55.
17. *Malahov V.P.* Priroda, sodержanie i logika pravosoznaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2001. S. 16.
18. *Platon.* Soch.: v 4 t. T. 3. Ch. 2 / pod obsch. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa. SPb., 2007 (Zakony, 874e – 875a.). S. 392.
19. *Rech' A.A.* Zaliznyaka na ceremonii vrucheniya emu literaturnoj premii Aleksandra Solzhenicy-na // *Ross. gaz.* 2017. 28 dek. S. 4.
20. *Rulan N.* Yuridicheskaya antropologiya: ucheb. dlya vuzov. M., 1998.
21. *Chestnov I.L.* Princip dialoga v sovremennoj teorii prava: dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2002. S. 28.
22. *Bishop R.* Real-life “Mowgli girl” found living with monkeys and walking on all fours in remote nature reserve // *Mirror.* MGN Limited. 2017. 6 Apr.
23. *Bruno B.* Feral Children and Autistic Children // *American Journal of Sociology.* 1959. № 64 (5). P. 455–467.
24. *Burke P.* *Sociology and History.* London, 1980.
25. *Hassan I.* Toward a concept of postmodernism // *Postmodernism. An International Anthology.* Wook-Dong Kirn. Seoul, 1991. P. 65, 66.
26. *Geertz C.J.* Anti-Anti-Relativism // *American Anthropologist.* 1984. Vol. 86. № 2. P. 263–278.
27. *Geertz C.J.* *Works and Lives: The Anthropologist As Author.* Stanford, 1988.
28. *Pierre B.* *Méditations pascaliennes.* P., 1997.
29. *Smuts J.C.* *Holism and Evolution.* London, 1926.

“ANTHROPOLOGICAL TURN” IN LAW: FOR THE BETTER OR FOR THE WORSE?

© 2019 P. L. Likhter

Penza state University

E-mail: lixter@mail.ru

Received 14.09.2018

The article deals with the consequences of the “anthropological turn” in law and their analysis. The turn resulted in the law unbiased scale loss. The law is perceived at most as part of individual consciousness today. The proliferation of the individualistic concept of legal thinking, deconstruction, dispersion, superficialis and other virulent postmodernism trends corresponding to the associated modern social sciences prove the fact that law is in the ideological crisis. The author raises the question of inadmissibility of anthropological relativity in constitutional axiology, the construction of a system dealing with compulsory standards of behavior, the principles of interrelation between the individual, the state and the society. The article is devoted to the research of methodological holism and the category “common wealth” to obtain objective knowledge of legal reality.

Key words: anthropological turn, holism, common wealth, constitutional axiology, holistic concept of legal understanding.

Сведения об авторе

ЛИХТЕР Павел Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета

Authors' information

LIKHTER Pavel L. – PhD in Law, associate Professor of private and public law, Penza state University